

Иоанн Дмитриев

Ангел пустыни

или

Возвращение

Алхимика

16+

Иоанн Дмитриев

**Ангел пустыни, или
Возвращение Алхимика**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Дмитриев И.

Ангел пустыни, или Возвращение Алхимика / И. Дмитриев —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Человек никогда не остановится в поиске истины. Именно поэтому история Алхимика и Сантьяго получила свое продолжение. Жизнь преподнесла новым героям неожиданные сюрпризы на пути к пирамидам: разочарование жизнью, предательство, плен и чудесное освобождение заканчиваются обретением смысла и гармонии жизни. В чем же заключается эта гармония? Ответ на этот вопрос вы найдете в романе «Ангел пустыни, или Возвращение Алхимика».

Содержание

1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ангел пустыни или возвращение Алхимика

И вот некто подошел сказал ему: Учитель Благий! Что сделать мне доброго , чтобы иметь жизнь вечную? Он же сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди. Говорит Ему: какие? Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя. Юноша говорит Ему: все это сохранил я от юности моей; чего еще не достаёт мне? Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. (От Мф. 19:16-21)

1

Эта история произошла во времена покорения Нового Света. В то далекое время в Андалусии жил знатный и богатый идалго. Он был старый служака, до конца преданный королю и отечеству. После ухода со службы он поселился в родовом поместье и жил там безвыездно один, вместе с сыном-подростком.

Жена его давно умерла, и посему все свое время он посвящал образованию и воспитанию сына. Мальчика звали Сантьяго. От своих сверстников Сантьяго отличался сообразительностью, честностью и находчивостью, так что к восемнадцати годам был уже вполне зрелым мужчиной, полным надежд и стремлений, полным сил, владеющим шпагой. К тому же он был хорошо образован и обладал набором тех качеств, которые так редко присутствуют в одном человеке. Это видели все, в том числе и его престарелый отец, который не собирался сдерживать стремления сына к служению на благо отечества, стремление к славе и приключениям.

Таким образом, сразу по достижении полного совершеннолетия, возраста, когда, следуя нравам того далекого времени, юноша становился мужчиной и не мог уже ждать поправок ни от судьбы, ни от ближних, отец определил Сантьяго ко двору его королевского величества, где, к слову сказать, его приняли превосходно. Но Сантьяго, не собиравшийся проводить время в дворцовых увеселениях и интригах, выпросил позволения отправиться в армию, в Новый Свет, для службы ради интересов Испании и короля.

И здесь взрослая жизнь преподнесла Сантьяго первый сюрприз. Будучи человеком начитанным и впечатлительным, Сантьяго всегда представлял себе армейскую службу как нечто, пусть и не до конца, но все же духовное. Он представлял себе, как будет бороться плечом к плечу со своими друзьями против варваров-идолопоклонников. Как они, раненные в бою, окруженные со всех сторон джунглями и неприятелем, избегавшим открытого поединка, дадут себе клятву стоять до конца и только чудом, лишь некоторые из них, останутся живы. Как он, будучи раненым, несколько дней будет нести на себе раненого товарища и как после этого они станут кровными братьями, посвятившими жизнь служению истине, родине и королю. Воображение рисовало ему, как после этого они возвратятся на родину и как их будут встречать толпы народа и духовенства, и как сам король, а может даже и Папа, возложит на его голову венец победителя, прославляя в нем человека, обратившего множество варваров к истинной вере. Ну, а дальше его ожидала спокойная и счастливая семейная жизнь, написание мемуаров и... (на этом, как правило, его мечты обрывались).

Но только лишь корабль отчалил от берегов Испании, эти мечты стали постепенно рассеиваться и таять как дым. Оказалось, что вместо рыцарей чести люди военные, в подавляющем большинстве своем, были людьми самими заурядными, скучными, плохо воспитанными, совершенно не походившими на легендарных героев, и к тому же еще недостаточно образованными.

Всю дорогу до Нового Света они то и делали, что пили, играли в карты и один раз даже едва не поубивали друг друга из-за какого-то пустякового недоразумения. Да и физически редко кто из военных мог бы напомнить мифологического персонажа. Во время плавания многие страдали морской и другими болезнями, так что по прибытию вынуждены были отправиться не на совершение подвигов, а в лазарет; в то место, где для многих из них заканчивалось земное существование.

Точно также, как и иллюзии в отношении службы, постепенно стали рассеиваться иллюзии Сантьяго по отношению к самой войне, со всеми ее хитросплетениями, ежедневной рутинной, правдами и неправдами. Впрочем, то, с чем столкнулся наш юный герой, и войной-то нельзя было назвать. Скорее это были месяцы тягостного продвижения среди буйной растительности Нового Света: длинные переходы сменялись привалами, проведенными в утоми-

тельном ожидании внезапного нападения. Реки и водопады приходилось преодолевать с полным напряжением сил, при этом теряя людей и часть снаряжения.

Местное население, как правило, не оказывало сопротивления, проявляя покорность и полное повиновение чужеземцам. Поначалу это радовало новоиспеченных «первопроходцев», вселяло уверенность и надежду на благополучный исход их нелегкой, но «благородной» миссии. Но затем с ними стало происходить нечто необъяснимое. Покорность местного населения начала раздражать испанских военных, начались грабежи и насилия, хотя до убийства дело не доходило. Вскоре в джунглях они напоролась на засаду аборигенов, так что в перестрелке были легко ранены двое солдат. Дело кончилось тем, что испанцы открыли ответный огонь и нападавшие удалились. При этом никто даже и не поинтересовался тем, какой урон нанесен атакующему противнику.

Испанцам было не до того: это микроскопическое нападение стало той искрой, которая была брошена в огромный резервуар, набитый «порохом» и прочими «боеприпасами», а точнее, в то место, где в людях гнездятся одержимость и жажда к насилию, где страсти, всецело владеющие человеком (тщеславие, стремление к обогащению, ощущение своего превосходства и безнаказанности по отношению к незащищенному местному населению), находят в душе человека свой последний удел.

Войдя в следующее селение, раздраженные и разъяренные воины, жаждавшие кровопролития, тут же предались убийствам, разбою и грабежу, оправдывая между собой это свое постыдное поведение праведным гневом и воздаянием снизошедшим с небес.

После этого случая все решительно изменилось, и Сантьяго стал замечать, как с ним и с его сослуживцами стали происходить удивительные метаморфозы. Особенно они были заметны на новобранцах, которые из робких и неуверенных в своих силах юнцов превратились с настоящих головорезов, так что теперь могли уже безо всякого сожаления, с легкостью, резать местных аборигенов, как будто они режут не человека, а некое существо, не обладающее ни самосознанием, ни разумной душой и потому не требующее ни сострадания, ни снисхождения. А ведь еще несколькими неделями ранее этот же солдат-новобранец с трудом мог убить и цыпленка.

Старшие офицеры не могли не заметить тех перемен, что произошли с их подчиненными, но все же слишком редко вмешивались в происходящее, и их равнодушие также, как и жестокость солдат, шокировало впечатлительного Сантьяго. В отличие от новобранцев опытных, побывавших во многочисленных переделках, военных более интересовала нажива, а не резня. Грязную работу они поручали младшим по званию, а сами вели за собой целую армию из поработанных индейцев, которые вынуждены были нести у себя на плечах носилки с награбленным. В этом смысле солдатам приходилось намного труднее; они тащили свой награбленный скарб на себе, пряча добытое либо за пазуху (как правило, это были самые ценные вещи), либо волоча его на спине.

Но более всего Сантьяго был поражен вызывающим, нарочито-пренебрежительным отношением завоевателей к местному населению. Казалось, они просто не считали тех за людей. Так, что теперь смирение, оказанное местными жителями, непременно воспринималось исключительно как животный инстинкт, вызванный отсутствием воли и разума у этих милых и простодушных существ. Их использовали на самых тяжелых работах, а в случае малейшего неповиновения (так называли ситуацию, когда индеец вдруг, к удивлению всех, начинал подавать признаки наличия у него здравого смысла) строго наказывали, вплоть до того, что разоряли их нехитрые хижины, лишая несчастных имущества и всякой надежды на милосердие.

Но и этого было, увы, недостаточно. Казалось, что зверь, который проснулся в душе у военных, желает насытиться до предела, желает испить чашу злости и ненависти полной мерой, не оставив пролитой ни единой капли. Желает насытиться до того, чтобы в изнеможении, обожравшись и будучи уже не способным на зверства, упасть и заснуть, – самодоволь-

ным, пресыщенным, с телом, испачканным кровью, и окаменелой душой. В итоге, все кончилось тем, что и между самими завоевателями отношения стали, пусть медленно, но неумолимо меняться: те, кто мало наградил, начинали завидовать собратьям с поклажей побольше, участились ссоры и драки, взаимные оскорбления стали обычным делом. Вскоре стало понятно, что также, как и в случае с бессмысленной резней населения, солдаты только и ждут подходящего случая, чтобы начать выяснять отношения между собой. Было видно; они жаждут пролития крови своих соотечественников. Жаждут не просто резни тех, кто отдан им на заклятие, но поединка с соперником, который оказывает сопротивление и может даже оказаться искусней в бою. Они жаждали смерти! Жизнь не прельщала и не волновала их больше.

После этого наблюдения Сантьяго со всей ясностью мысли вдруг осознал, что ждать более нечего, что военные подвиги превратились в фарс и кошмар. А быть свидетелем того, как его соотечественники вот-вот займутся истреблением друг друга, у него не было ни малейшего желания.

Но, более всего, его томило неприятное ощущение, что он делает вещи, к которым у него совершенно не лежит душа, исполняя приказания нередко одинаково жестокие и бессмысленные. Ощущение того, что и ум, и воля его подавлены обстоятельствами до такой степени, что наконец становишься до безобразия скучен и неприятен себе самому.

Так, пребывая в подавленном состоянии, будучи одолеваем грустными мыслями, ссылаясь на то, что в его присутствии более нет ни малейшей необходимости, наш герой обратился к командующему экспедицией с просьбой об увольнении. Зная о высоком происхождении своего подчиненного, о его близости ко двору, командир, не отличавшийся знатностью происхождения, решил, что входить в конфликт с молодым дворянином было бы более чем безрассудно и без колебаний выполнил просьбу последнего.

По возвращении из Нового Света, на родине, Сантьяго был принят с таким же восторгом, как и тогда, когда в первый раз был представлен ко двору короля. Как это не покажется странным, весь столичный бомонд сразу стал почитать его за героя, хотя и не совсем в той форме, о которой тот мечтал перед началом своего путешествия.

Однако сейчас вся эта суматоха его нимало не волновала. Его волновало нечто другое, а конкретно; его мучила совесть за то, что он принял участие в столь сомнительном, с нравственной точки зрения, мероприятии. Кроме того, ему не давало покоя ничем неутолимое желание с кем-нибудь поделиться своими сомнениями и разочарованиями. В конце концов, даже желание исповедаться в содеянных прегрешениях. Но расставание с юношескими иллюзиями не прошло даром для молодого Сантьяго и, будучи уже несколько опытен, он сознавал, что не сможет этого сделать ни с кем из придворных, которые всегда были с ним так милы и обходительны. Сантьяго знал, что стоило только ему допустить небольшую ошибку, стоило только сделать один неверный шаг – и он станет всеобщим посмешищем, а его откровение, под строжайшим секретом, станет известно как при дворе, так и в домах большинства знатных и любопытных вельмож.

В силу этого, а также в силу того, что некоторое время после возвращения он был свободен, наш герой решил исповедаться не в столице, а в каком-нибудь городишке, достаточно удаленным от центра, у священника, имевшего репутацию опытного и рассудительного духовника.

И вот, через некоторое время, проведенное в розысках нужного кандидата в духовники, Сантьяго отправился в один глухой, расположенный в глубокой провинции, городишко. Но только лишь он увидел священника, перед которым собрался открыть свою душу, как тут же понял, что его затея вряд ли могла увенчаться успехом, в том смысле, чтобы рассчитывать на понимание и духовное руководство. И хотя отец Доминго был прост по натуре и исключительно доброжелателен, было видно, – он не то чтобы удивился, а скорей испугался приезда столь знатного гостя и теперь только того и желал, чтобы как можно быстрее с ним распрощаться.

При этом его испуг был действительно искренним, так как за всю свою долгую и счастливую жизнь он привык больше выслушивать скорби простолюдинов, которые, как правило, сводились к жалобам на скудость существования, неверность супругов, непослушание своих непоседливых чад, зависть соседей, несправедливые сплетни и т.д., и т.д.. Правда, бывало, к нему за советом обращались и люди более высокого происхождения но все же, в лучшем случае, это были представители торгового сословия, решавшие для себя вопросы выгоды коммерческих сделок или обмана со стороны компаньонов, словом, всего, что было связано с куплей-продажей или вопросами, касающимися исключительно светского и церковного права.

В итоге предположения Сантьяго полностью подтвердились. Отец Доминго сказал, что решение таких сложных вопросов, связанных с миссией среди диких язычников, а тем более, вопросы, касающиеся поведения лиц, на которых, в сущности, и была возложена эта благородная миссия, не входят в его компетенцию и посоветовал, с целью разрешения мучивших Сантьяго сомнений, обратиться к высшим церковным властям, т.е. к епископу.

Сказать, что наш герой воспринял этот совет без видимого воодушевления, значит, не сказать ничего. Будучи при дворе и внимательно наблюдая за тамошними нравами и порядками, он не раз обращал свой пристальный взгляд на епископов и духовенство, особенно на тех из них, кто был приближен к августейшей фамилии. Чаще всего эти его наблюдения оставляли не самое лучшее впечатление. Так наблюдая за некоторыми представителями духовенства, Сантьяго отмечал для себя, что:

Во-первых, это были люди энергичного поведения, люди очень активные, любившие светские мероприятия, любившие проповедь и в некоторой степени даже упивавшиеся своим положением и возможностью вещать с высокой трибуны. Точно также они любили страстно участвовать в спорах, взяв на себя роль примирителей. Любили решать разного рода семейные и дипломатические разногласия, и вообще всегда старались быть в курсе всего, что происходило как при дворе, так и за его пределами.

Ну, а во-вторых, более всего на свете они любили заниматься строительством, это была действительно их настоящая страсть. Причем строили они все – часовни, храмы, монастыри, облагораживали собственные покои, не забывали о родственниках и тех, кто посвящал свою жизнь служению им и их интересам и т.д. и т.д.. Но самое странное, что при этом никто не смел спрашивать у них отчета о потраченных средствах, что порождало множество сплетен и кривотолков, которые мы за ненадобностью опускаем.

Все это, безусловно, наводило Сантьяго на грустные размышления, отталкивало от духовенства, да и вообще от близких и дружественных отношений с кем бы то ни было. И все же Сантьяго решил еще раз попытать свое счастье: смирившись, он выпросил аудиенцию у епископа и в одно прекрасное, летнее утро отправился в покои его высокопреосвященства.

Епископ оказался на удивление радушным и приветливым человеком. Он пригласил Сантьяго к себе, просил его быть как дома и даже разрешил ему сидеть во время аудиенции, что, без сомнения, могло служить признаком глубокого уважения и полной расположенности к доверительным отношениям.

Сам епископ сидел на некотором удалении от Сантьяго, на небольшом возвышении, в кресле из красного дерева, изящной работы, украшенном вырезанными статуэтками ангелов, а также фигурками разных животных и прочих мифических персонажей.

Все то время, пока Сантьяго рассказывал его высокопреосвященству об увиденном и пережитом, делился своими сомнениями и чувством вины за случившееся в далекой стране, епископ молчал и внимательно слушал, не перебивая своего собеседника. И все же, когда епископ изредка поглядывал на Сантьяго, тот начинал замечать, что его высокопреосвященство скорее волнует не то, что он слышит сейчас, сию же минуту, а то, что он скажет в ответ. Или точнее, даже не то, что он скажет (как правило, его советы редко отличались оригинальностью), а то, каким образом он сделает это? Было похоже, что епископ был совершенно уверен и

убежден в том, что от него, как представителя высшей духовной власти в стране, требуется не красноречие, а скорее некий эмоциональный заряд, который он и должен был передать своим собеседникам: слушателям (если речь шла о проповеди) и провинившимся (если речь шла о церковном суде). И, как только Сантьяго закончил, епископ в едином порыве вскочил со своего прекрасного «трона», простер руки ввысь и дрожащим, но в то же время, ликующим голосом произнес: «Сын мой...!!! и т.д.

Не успел он произнести этой фразы, как наш герой уже пожалел о том, что вообще отважился на эту беседу.

– Какой смысл серьезно говорить с человеком, – думал Сантьяго, – который не может или не хочет быть искренним? Который больше похож на актера нежели на доброго пастыря? С человеком, который большую часть своей жизни только и заботится о том, чтобы много есть, много пить, жить в роскоши, тратит много чужих денег? С человеком, который пребывает в полной уверенности о том, что он истинный «раб рабов Божиих», идеалист и защитник страдающих?

Трудно было понять, кто же на самом деле предстал перед ним? С чем приходится иметь дело? С откровенною глупостью? Либо со старыми дурными привычками, которые крепко-накрепко ввелись в «плоть и кровь» этого человека, проникли во все суставы и поэтому стали неизлечимы?

Позднее, когда Сантьяго вспоминал эту встречу, он не мог, причем, как бы он ни старался, дословно воспроизвести ни одной услышанной фразы, настолько витиеватой была речь, обращенная лично к нему, со стороны столь уважаемого всеми оратора. Смысл речи также был слишком туманен, однако отдельные ее фрагменты все же не ускользнули от сознания молодого талантливого дворянина.

Если быть кратким, то епископ довольно пространно уверил Сантьяго, что не стоит так уж убиваться по поводу произошедшего. Что обращение еретиков дело, что называется, стоящее и, безусловно, полезное для государства. Что нет людей без греха. Что рукою военных водила рука проведения. Что, в конце концов, даже если и были кое-какие маленькие погрешности, то их можно загладить путем уплаты некоторой незначительной (по мнению епископа) суммы. И что пора уже молодому человеку задуматься о принятии сана и оставлении всего своего состояния в распоряжение его высокопреосвященства. Не упустил возможность он упомянуть и о том, что пора бы молодому герою посвятить свою жизнь служению высоким идеалам N...ского ордена, членом которого он сам и являлся.

На самом же деле речь получилась довольно большой, и на всем ее протяжении Сантьяго только и думал о том, как удержать на себе, все это время, маску серьезности, вдумчивости и сокрушения одновременно. Время от времени он кивал головой в знак одобрения, а когда считал нужным – делал жест правой рукой (поднося ее к подбородку) и, одновременно с этим, лицо его приобретало задумчиво-скорбное выражение. В конце беседы Сантьяго обещал крепко подумать над тем, что услышал, хотя думать, в принципе, было и не о чем. Так они и расстались; оба уверенные в том, что время было потеряно.

Кстати, в дальнейшем Сантьяго смог убедиться в верности своего предположения о том, что эта беседа непременно станет достоянием довольно широкого круга людей.

Но тогда его волновало не это. Он думал над тем, чем же еще он мог быть полезен обществу и отечеству? Война, впрочем, как и духовная карьера, его уже абсолютно не привлекали. Так, после нескольких дней колебаний, он решил для себя, что попробует силы на дипломатическом и законодательном поприще. В конце концов уж там, – думал Сантьяго, – интересы служения ближним должны все же быть выше человеческого эгоизма и самовлюбленности. Увы, но и здесь он ошибался.

И дело было даже не в том, что сама по себе придворная жизнь, со всеми ее дипломатическими ритуалами, многочисленными условностями, интригами и роскошью, доходившей

порой до абсурда, быстро надоела Сантьяго. Как оказалось, ни о каком служении ближним, служении на благо отечества, во всем этот водоворот придворных интриг не могло быть и речи. В реальности дело обстояло следующим образом: правящая элита только и делала то, что занималась безграничным увеличением своего состояния, а смысл земного существования виделся этим людям исключительно в достижении максимального удовольствия и комфорта. То, что скрывалось за великолепным фасадом, буквально ошеломило Сантьяго. Все это выглядело унижительно и нечистоплотно. Дикие нравы и одновременно невыразимая скука царили в среде внешне благополучного высшего света: днем там шла безжалостная война за деньги и власть, а вечером все заканчивалось игрой в карты, пустыми беседами за игорным столом, развратом, обжорством и пьянством.

Ненужные дела и разговоры охватывали большую часть времени этих людей, забирали лучшие силы, оставляя после себя ощущение какой-то совершенно бескрылой и бессмысленной жизни, от которой невозможно уйти, от которой не скрыться.

Но хуже всего было то, что в этой среде нужно было постоянно выдумывать нечто оригинальное, несуществующее как о себе самом, так и об окружающих. Тот, кто не делал этого, рисковал быть забытым, выброшенным на обочину, лишенным множества привилегий, лишенным возможности воровать и тем самым все более и более богатеть.

Подобная жизнь уже с самых первых шагов засасывала как трясина, и чем больше было сопротивление, тем сильнее трясина тянула на дно. В результате у новоиспеченного дипломата волей неволей возникало навязчивое ощущение, будто бы ты сидишь запертый на сотни замков в окружении умалишенных людей и чувствуешь, как сам постепенно лишаешься разума. Но трясина редко кого выпускала из своих вязких объятий, и чаще всего люди, оказавшиеся в этой среде, смирялись с таким ощущением, закрывали глаза на то, что происходило вокруг, как и на то, что происходило с ними самими, и предпочитали просто плыть по течению.

Коротко говоря, лучшие люди страны на деле оказались обыкновенными обывателями, с которыми только и можно было говорить о еде и о женщинах. Здесь они чувствовали себя как рыба в воде; шутили, давали практические советы так, что порой могли походить на неглупых людей. Но стоило только заговорить с ними о чем-то таком, что напрямую не касалось их жизни (о философии, поэзии, о любви или о Боге), как тут же ваш собеседник оказывался в тупике или, буквально меняясь в лице, начинал изрыгать из себя настолько тупую, злую и бессмысленную философию, что вам оставалось только махнуть рукой и скорее закончить беседу.

Так что вся эта дипломатия, которую так страстно старался освоить Сантьяго, на деле сводилась лишь к заключению сделок: выгодных и не очень, а чаще всего очень выгодных. Если же сделки срывались, это приводило к войне, которая в итоге опять же приводила к шаткому миру и заключению тех же выгодных и очень выгодных сделок. А то, что в этих бессмысленных войнах гибли сотни и тысячи ни в чем не повинных людей, в принципе, никого не заботило и не могло взволновать. Мало кто из этих людей, тех, по чьей вине та или иная война начиналась, мог испытывать пусть малейшие, но угрызения совести. Совестью здесь и не пахло, и потому, помимо денег, полученных от торговли, чиновники обогащались еще и тем, что крали все, что плохо лежало. Таким образом в стране складывалась парадоксальная ситуация, а именно: несмотря на довольно большой товарооборот во внешней торговле, торговле, без сомнения, выгодной, несмотря на завозимые огромные богатства из Нового Света, несмотря на такое же огромное количество рабов, поступавших из тех же краев, несмотря на постоянное увеличение налогов для собственного населения, казна все больше и больше пустела, страна разорялась, а чиновники богатели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.